Фактор Лукашенко: мятеж Пригожина и суверенитет Беларуси

Евгений Прейгерман

Опубликовано в IPG-Journal

Резюме

История с мятежом Пригожина размывает основу устоявшегося нарратива об утрате Беларусью суверенитета.

Когда мировые СМИ сверкали «молниями» по поводу стремительного движения вооруженных колонн ЧВК «Вагнер» по территории России, мало кто мог предположить, что у этой истории может быть какое-то белорусское измерение. Однако после обнародования информации о том, что конфликт был деэскалирован благодаря посредничеству Александра Лукашенко, это измерение приобрело еще более неожиданный характер. Многие комментаторы моментально стали ставить под сомнение саму возможность того, что руководитель Беларуси мог сыграть активную роль в самом масштабном внутрироссийском кризисе за последние три десятилетия. Мол, Лукашенко слишком зависим от Кремля, чтобы обладать хоть какой-то субъектностью и уж тем более влиять на исход подобных событий.

Такая логическая конструкция отражает мнение, которое доминирует на Западе, среди белорусской оппозиции и в некоторых кругах в России. Без нюансов и оттенков оно сводится к восприятию Минска как несамостоятельного актора, который сохраняет суверенитет только формально, а на самом деле – лишь реализует в своей политике волю Кремля. Но чем больше появляется информации о белорусском факторе в контексте мятежа в России, тем более заметны несостыковки этого мнения с реальностью. И тем очевиднее причины, по которым комментаторы продолжают настаивать на таком поверхностном отношении к суверенитету Беларуси, а также связанные с этим проблемы, в том числе для будущего европейской безопасности.

Комментаторы, отвергающие возможность посредничества Лукашенко в российском кризисе, предлагают несколько версий произошедшего. Их объединяет тезис о том, что Кремль просто использовал его в своем сценарии, приказав сыграть роль миротворца.

> Однако эти конспирологические объяснения не дают ответа на один простой вопрос: какая такая хитрая задумка должна была побудить Кремль на ровном месте зажечь над головой Лукашенко ореол героя в то время, когда само российское руководство оказалось в очень невыгодном свете?

При собственном сценарии событий, если предполагать наличие такового, имиджевые издержки для Кремля в любом случае были бы ниже без привлечения Лукашенко, чем с его участием. То, что после окончания мятежа российские СМИ начали активно преуменьшать значение фактора Лукашенко, говорит об этом же.

Дополнительно это подтверждается тем, что параметры сделки между Кремлем и мятежниками начинают трансформироваться после встречи Путина с представителями ЧВК «Вагнер» 29 июня. То есть ее изначальные параметры были недостаточно продуманными, так как достигались в экстренных условиях благодаря оперативному посредничеству Лукашенко с целью избежать масштабного кровопролития и дестабилизации России.

Поэтому аналитически представляется достаточно очевидным, что руководитель Беларуси мог оказаться в роли посредника между Путиным и Пригожиным лишь благодаря собственным проактивным действиям. Они стали возможными по двум понятным причинам. Во-первых, Лукашенко сам был заинтересован в том, чтобы предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта внутри России, так как она автоматически означала бы для него серьезные вызовы в области безопасности и экономики. Во-вторых, за 29 лет во главе Беларуси он имел дело, пожалуй, с каждым мало-мальски значимым персонажем в российском правительственном и предпринимательском бомонде, как никто другой осведомлен о политических раскладах в этой стране. 24 июня он смог быстро сориентироваться в происходящем, применив свои эксклюзивные знания и контакты для достижения собственных целей.

Активные действия в собственных интересах – это базовый признак субъектности и суверенного поведения, особенно в кризисных ситуациях. Поэтому история с вагнеровским мятежом, несомненно, размывает основу устоявшегося нарратива об утрате Лукашенко самостоятельности, а Беларусью – суверенитета. Однако

многочисленные комментаторы до сих пор отказываются принимать эти очевидные факты и продолжают настаивать на конспирологических теориях. И это обстоятельство указывает на, пожалуй, главную проблему всей дискуссии о суверенитете Беларуси.

> Очень многие на Западе и в белорусской оппозиции относятся к этой дискуссии не как к способу прояснить реальное положение дел в Беларуси, а как к инструменту политической борьбы с Лукашенко.

После 2020 года (и особенно после миграционного кризиса 2021 года) аргумент о том, что Запад должен ограничить взаимодействие с Минском и ввести против него масштабные санкции частично основывался на тезисе об утрате Беларусью суверенитета. «Если Минск несамостоятелен, – говорили сторонники этого аргумента, – то какой смысл о чем-то разговаривать с Лукашенко? Если Беларусь и так уже поглощена Россией, то зачем бояться, что санкциями Запад собственноручно выталкивает Минск в объятия Кремля?»

С этой позиции интерпретация роли Лукашенко в разрешении российского кризиса перестает быть аналитической задачей, как и в целом интерпретация внешней политики Минска. Ведь погружаться в нюансы и оттенки серого белорусской политики на основании фактов и их анализа, а не политических лозунгов – значит, признать не только то, что Беларусь сохраняет суверенитет, но и субъектность самого Лукашенко. А это может быстро изменить содержание международной дискуссии о Беларуси: она перестанет основываться лишь на клише о «Минске как вассале Кремля» и начнет задаваться вопросом о способах расширить поле для маневра Беларуси в целях дальнейшего укрепления ее суверенитета.

В этом смысле показательны слова секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины Алексея Данилова, написанные уже через день после российского мятежа. Он высказал мнение, что Александр Лукашенко может принять участие в переговорах об условиях прекращения войны между Москвой и Киевом. И такая реакция понятна. Роль Лукашенко в деэскалации кризиса в России действительно делает претензии Минска на место за столом переговоров о будущем устройстве региона, высказанные еще в апреле 2022 года, более обоснованными, чем это казалось раньше.

> Это хорошие новости не только для самой Беларуси, чей суверенитет на самом деле сталкивается с самым серьезным вызовом с момента его обретения.

Это также соответствует интересам Запада и региональной безопасности. В 2019 году экс-командующий Армией США в Европе Бен Ходжес отмечал, что «в интересах всех, чтобы Беларусь могла оставаться суверенной страной», так как она «может сыграть ключевую критическую роль для безопасности и стабильности в Европе». С того времени структурные реалии в регионе сильно изменились, и потому возврат к ситуации 2019 года невозможен. Однако впереди архисложная задача обустройства европейской безопасности в крайне опасных новых геополитических условиях. И здесь суверенная Беларусь вновь может сыграть важную роль, так как военная деэскалация и стабилизация региона отвечают ее национальным интересам.

Именно поэтому на роль Минска в остановке вагнеровского мятежа следует обратить серьезное аналитическое внимание, а не пытаться по привычке использовать дискуссию о белорусском суверенитете для борьбы лично с Лукашенко. Если же и дальше продолжать следовать совету президента Литвы Гитанаса Науседы и относиться к Беларуси как к «губернии России», то с высокой вероятностью мы в очередной раз сможем убедиться в магической силе самосбывающихся пророчеств.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»